

НИНА ЗАЙЦЕВА (Петрозаводск)

ВЕПСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПЕЧИ В ДОМЕ И ПЕЧИ В БАНЕ (ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)*

Abstract. Appellations of the Stove in the House and the Stove in the Sauna in the Context of Veps Linguistics (Linguistic-Geographical and Etymological Aspects)

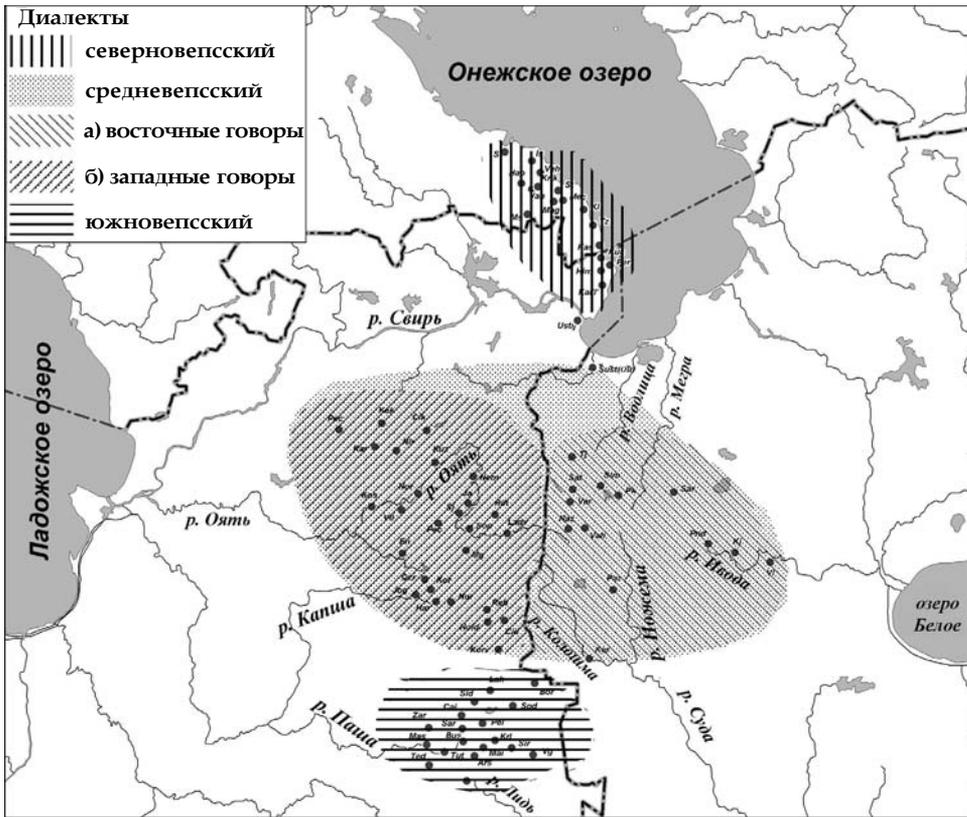
Veps language materials are represented in a number of linguistic atlases: they are occasionally found on maps in the "Atlas Linguarum Europae", were included in the 3-volume "Atlas Linguarum Fennicarum", and now the "Linguistic Atlas of the Veps Language" is complete. Its materials allow for a deeper insight into the formation history of the Veps dialect map, which portrays the Balto-Finnic heritage, Veps innovations, language contacts with cognate and neighbor nationalities, first of all Karelians and North Russian groups. The paper deals with the nominations for the concepts 'in-house stove' and 'sauna stove'. Relying on the dialectal material from linguistic maps the author contemplates on the original Veps names for elements of the stove, which Veps refer to as *mät*, *hil'mät*, *lezi*, as well as on the names for 'sauna stove' (*kivduk / kiiuduk, kiiudug*), and draws conclusions about the words denoting the sauna itself (*kii'bet, kiiubet, kil'bet*). Having analyzed the distribution and etymology of the vocabulary in this lexical sphere, the author questions that the Veps sauna is a late borrowing and urges ethnographers to reconsider the Veps sauna history in favor of its greater age, specific characteristics and functionality.

Keywords: Veps language, dialects, linguistic geography, etymology.

Введение

В вепском языке выделяются три диалекта: северновепский, южно-вепский и средневепский с двумя группами говоров — западной и восточной (карта 1). Их особенности представлены в сборниках образцов вепской речи, изданных в Финляндии, России, Эстонии, в диалектном словаре вепского языка (СВЯ), в исследованиях и электронных ресурсах (ВК; ВепКар). Уникальная коллекция вепского диалектного материала хранится в Фонограммархиве Института языка, литературы и истории Карельского национального центра РАН (более 450 часов магнитофонных записей практически из всех пунктов проживания вепсов). Вепские материалы sporadически отображены на картах лингвистического атласа Европы (Atlas Linguarum Europae), а также вошли в «Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков» (ALFE 2004; 2007; 2010).

* Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.

Карта 1. Диалекты вепского языка.

В 2019 г. увидел свет «Лингвистический атлас вепского языка» (ЛАВЯ),¹ который содержит 150 карт, отражающих ареальное распределение фонетических и морфологических признаков и диалектной лексики. В комментариях с привлечением методик лингвистической географии, этимологического анализа и в целом сравнительно-исторического языкознания, а также с учетом историко-культурного и ландшафтного контекста предложен анализ как языковых реалий, так и их ареалов. Материалы атласа дали возможность проиллюстрировать более детально прибалтийско-финское наследие, показать результаты контактов с родственными и неродственными народами, прояснить процессы развития и их влияние на формирование диалектных ареалов вепского языка.

В статье представлены лингвистические и лингвогеографические данные, а также этимологические размышления в контексте ЛАВЯ по поводу происхождения вепских наименований печи в доме и одной из ее частей — жаратка, печи в бане и — как вывод — самой вепской бани, а также высказано сомнение по поводу позднего заимствованного характера появления бани у вепсов.

¹ Работа над атласом велась коллективом исполнителей из Петрозаводска и Санкт-Петербурга под руководством автора данной статьи в течение шести лет при поддержке грантов РГНФ (РФФИ).

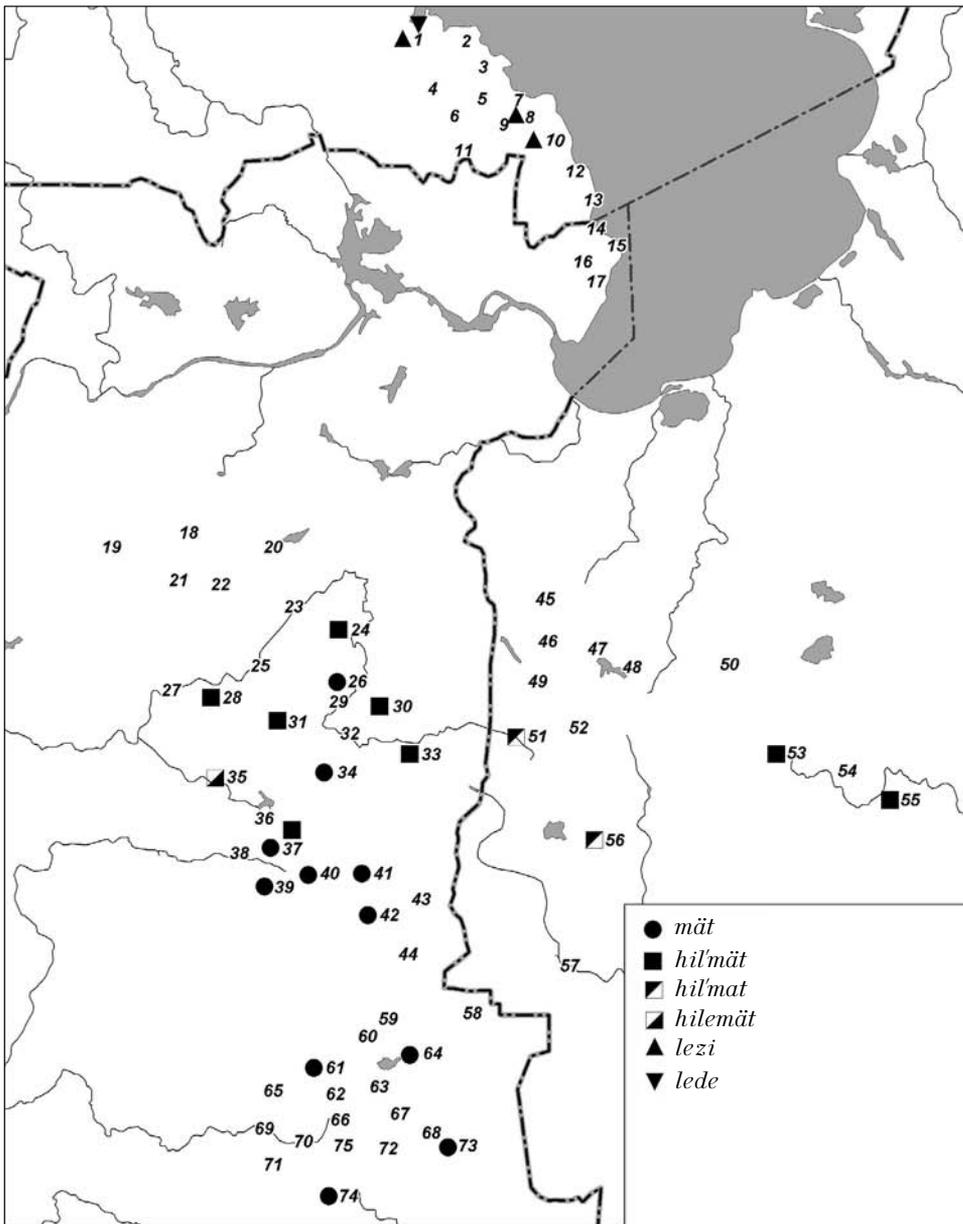
1. Обозначение понятия 'жараток, жароток, загнетка' в языке вепсов

Печь у северных народов была центром домашнего очага, дающим тепло, горячую пищу, уют.

В вепсском языке печь называется *päč*, лексема заимствована из древнерусского рядом прибалтийско-финских языков вместе с методикой построения печи: восточнофинским диалектам знакомо *pätsi* 'печь, каминка, очаг; угли, жар в печи', эстонским — *pätsahi* 'печь для выпекания пирогов' (SSA 2 : 461); в людиковском словаре Ю. Куёла и в 6-томном словаре карельского языка, подготовленном в Финляндии, по несколько страниц посвящено сложным словам с первым компонентом *päčč* ~ *päčči* 'печь' (LMS 347—348; KKS 4 : 590—593), что свидетельствует о глубокой освоенности этой заимствованной лексемы родственным вепсам народом. В вепсском языке тоже много сложных слов, связанных с печью: *päčinaluine* 'подпечье', *päčinčoga* 'угол дома, где стоит печь', *päčinkoht* 'место перед печью', *päčinpohj* 'печной под', *päčinos* 'чело печи', *päčinsu* 'устье печи', *päčedes* 'шесток (букв. передняя часть печи)', *päčintlapt* 'опалубка печи (букв. сторона, край печи)'. Вторая часть *-lapt* сложной лексемы *päčintlapt* как существительное в языке вепсов уже не функционирует; его основа сохранилась лишь в наречиях типа *laptoidme* 'по сторонам', *laptaha* 'в сторону', *laptaiči* 'стороной', *laptas* 'в стороне' и т. д. Сложная лексема *päčintlapt* свидетельствует в пользу былого равноправного сосуществования ее частей в языке. Со временем произошло сужение свободного употребления в вепсском лексическом тезаурусе лексемы *lapt-*, но он пополнился сложной лексемой *päčintlapt*, где использовано и русское заимствование *päč* 'печь'. Кроме того, есть лексемы и с мифологической подоплекой: *päčinrahkoi* 'домовой, живущий на печи', *päčilne* 'запечный (мифологический хозяин дома)' и т. д. При этом заимствованное из русского *päč* даже не позволило построить лингвистическую карту, поскольку оно звучит одинаково во всех вепсских диалектных ареалах. Для лингвистической карты в связи с названиями частей русской печи любопытны вепские обозначения места для углей около устья печи. В русском литературном языке нет специальной лексемы для этого, а в севернорусских говорах оно называется *жараток* ~ *жароток*, *загнетка* 'углубление в передней части русской печи, куда сгребали угли, золу' или *загнетка*, *загнеток* 'угол в печи, куда сгребали пепел, угли' (СРНГ 1974 : 10—12).

Строительство или кладка печи у многих народов, очевидно, была сходной. Ближе других к вепсскому понятие, о котором идет речь в данном разделе статьи, объяснено у В. И. Даля: *загнетка* — заулочек на шестке русской печи, обычно левый, ямка или предпечье, куда сгребается жар (1955 : 568). Угли ранее забирали оттуда или горячими для самовара, или перекладывали в маленькую печь, которая отапливала деревенский дом, а когда они угасали, их хранили и использовали для разных домашних нужд, прежде всего, для «кипячения» самовара, удаления сырости в подсобных помещениях, применения в качестве удобрения и т. д. Для вепсов данное понятие было настолько важным, что в диалектах возникло несколько исконных его названий: *mät*, *hilmät*, *lezi* (карта 2).

Наиболее широко употребляется лексема *mät*, которая объединяет западные средневепские и южновепские говоры. Этимологические сло-

Карта 2. Обозначения места около устья печи для углей, рус. диал. 'загнетка, жараток, жараток'.

вари финского языка, которые при отсутствии этимологического словаря вепского языка служат прекрасными источниками для выяснения вепских этимологий, в данном случае вепского соответствия не дают и трудно определить с каким-либо прибалтийско-финским этимологом. Можно предположить, что лексема *mät* этимологически связана с прибалтийско-финской *mätaz* 'кочка; холм, горка', которая в подобной форме и с тем же значением известна вепскому языку. Л. Хакулинен (1953 : 117) лексемы типа *mätäs* считал суффиксально образо-

ванными (*koiras* 'самец', *lipas* 'ларец, ларчик', *pensas* 'куст' и т. д.). У древневепсской лексемы можно было бы восстановить фонетический облик как **mätto* (< **mättö*), поскольку у современного вепс. *mät* основа на *-o* (*mäto-n* GenSing), в данном случае напоминая ауслаутным звуком диминутив *mätöi*. И семантически диминутивность вполне вписывается в наш контекст: угли или зола чаще всего при их выгребании в загнетку образовывали именно небольшую горку. Очевидно, первоначальное значение **mätto* было тоже связано с подобным диминутивным значением. Трудно представить, что это исконное прибалтийско-финское слово возникло лишь как термин для обозначения части русской печи. Это более древний термин, скорее всего его употребление в данном значении приспособлено для русской печи, исходя из семантики, связанной с обозначением некоей горки.

Лексема *mät* употребительна в вепсском языке и в значении 'горн в кузнице' (СВЯ 346), а также при образовании других сложных слов, например, *muražmät* 'муравейник' (СВЯ 337), где тоже обозначает возвышенность, холмик. Косвенно связь *mät* и *mätäs* поддерживают такие карельские лексемы, как *kudžoimätäs*, *mavroimätäs* (Макаров 1990 : 160), *kutšoi-mätäs* 'муравейник' (KKS 2 : 483), *mauruoi-mätäs* (LMS 232), образованные по модели вепсского языка, где в качестве второй части сложного слова на месте вепс. *mät* выступает именно *-mätäs*. Здесь при названии муравейника в финском языке в качестве второй части употребляются и другие слова, типа *-keko* 'куча, стог' или *-pesä* 'гнездо' (*muurahaiskeko*, *muurahaispesä*), указывая на иную семантическую модель, нежели в вепсском и карельском языках. Для нас важно, что вепс. *mät*, возможно, приоткрывает древнюю историю прибалтийско-финской лексемы *mätäs*.

Реже используется лексема *hilmät* ~ *hilemät*. Она представляет собой сложное слово, где его первая, определяющая, часть *hil'* 'уголь' указывает на значение понятия, называемого в вепсских диалектах *mät*: *hilmät*~*hilemät* 'место в печи, куда выгребались и где хранились горкой угли'. После утраты гармонии гласных слово в ряде говоров получило еще и облик *hilmat*.

В северновепсских говорах используется *lezi* 'место в устье печи для выгребания угля; очаг' (ср. *liesi* то же (SSA 2 : 71)). Любопытен фонетический облик слова. Для вепсского языка исторически был характерен закон, в соответствии с которым в двухсложных словах отпадали конечные гласные, если первый слог был долгим, т. е. в его состав входил долгий гласный или дифтонг, или слог был закрытым (Tunkelo 1946 : 755—756), например: *mel'* 'ум' (ср. фин. *mieli* < **meeli*). В этой связи *liesi* должно было иметь на вепсской почве вид *leź*, как в этимологическом словаре финского языка, где оно, очевидно, является реконструированной формой (SSA 2 : 71). Форма *leź* не зафиксирована ни в одном из вепсских говоров. В данном случае произошло восстановление более старой формы *lezi* с основой *lede-n* (GenSing) по правилам вепсского языка (т. е. с озвончением между двумя гласными согласного *-z-* (Tunkelo 1946 : 55—57)). Вполне возможно, что это влияние аналогии с такими часто встречающимися в речи вепсов словами, как *käzi* 'рука' (*käde-n* GenSing), *vezi* 'вода' (*vede-n* GenSing) → и *lezi* (*lede-n* GenSing), где двухосновные слова обладают одинаковыми типами основ. В результате восстановился более старый облик

слова. В северновепской Шокше, кроме того, при номинации наметилось обобщение гласной основы *lede-* как формы номинатива.

Таким образом, вепский язык или образовал или приспособил наименования без особой ареальной привязки; они являются общеприбалтийско-финскими или же возникли на базе вепского языка.

2. Обозначения печи в вепской бане

В связи с вепской лексемой *päč* (кар. *päčči*), которая попала в вепский и карельский языки вместе с понятием 'русская печь', встает вопрос: что же использовали названные народы в качестве очага до заимствования? Обращает на себя внимание понятие 'печь в бане'. В работах этнологов и лингвистов встречаются упоминания о том, что вепсы ранее мылись в больших высоких печах. Известный исследователь вепского языка Л. Кеттунен в книге «Путешественником в науку» описал свое «посещение» подобной вепской бани-печи в 1917 г. в южновепском с. Радогощ (*Arskahit*), озаглавив отрезок в воспоминаниях «Привет из печи»: «Устье печи непривычному (человеку) так тесно, что казалось, хочет обжечь бока и ребра до внутренностей. В первый раз я даже хотел сразу повернуть назад, когда вдобавок показалось, что темная жаркая внутренность — путешествие в ад. Этого впечатления не убавило даже то, что я успел прикоснуться еще и головой к кипящему горшку (с чем-то варящимся). Хозяйка, очевидно, забыла его убрать, когда стелила солому на под печи. Второй горшок был предназначен уже для моющегося, но я их перепутал и обмакнул веник в соленый бульон [---]. Железная заслонка печи была закрыта за мной, что добавило жуткого состояния. Я не помещался сидя, но, тем не менее, как оказалось, удобно лежал на таком толстом слое соломы, что горячий под даже и не обжигал. Вначале не знал, как париться. Попробовал лить воду на под печи и ее свод... Быстро хлынул пар. Но когда попробовал себя ударять веником, горячего сладкого пара хлынуло так много, что даже любителю пара трудно было выдержать» (Kettunen 1945 : 295—296 (перевод автора статьи)).

Все это, очевидно, согласуется с идеей, высказанной в книге «Карельская баня»: в баню ходили скорее потеть, выпарить пот, что поддерживало здоровье человека, нежели просто принимать купальный моцион (Иванова 2016 : 25—26). Картина экзотического способа гигиены так повлияла на автора данной статьи, что при написании вепскоязычного эпоса «*Virantanaz*» именно о нем она сочла возможным сказать как о своеобразной этнографической особенности вепсов (Zaiseva 2012 : 78—79). Рассказов о банях-печах записать в экспедициях лингвистам практически не удавалось. Очевидно, печи-бани были характерны больше для южновепского ареала (ныне Бокситогорский район Ленинградской области) и отчасти средневепского Шимозерья (Вытегорский район Вологодской области); думается, что использование русской печи вместо бани было заимствовано представителями вепсов у соседних групп русского населения.

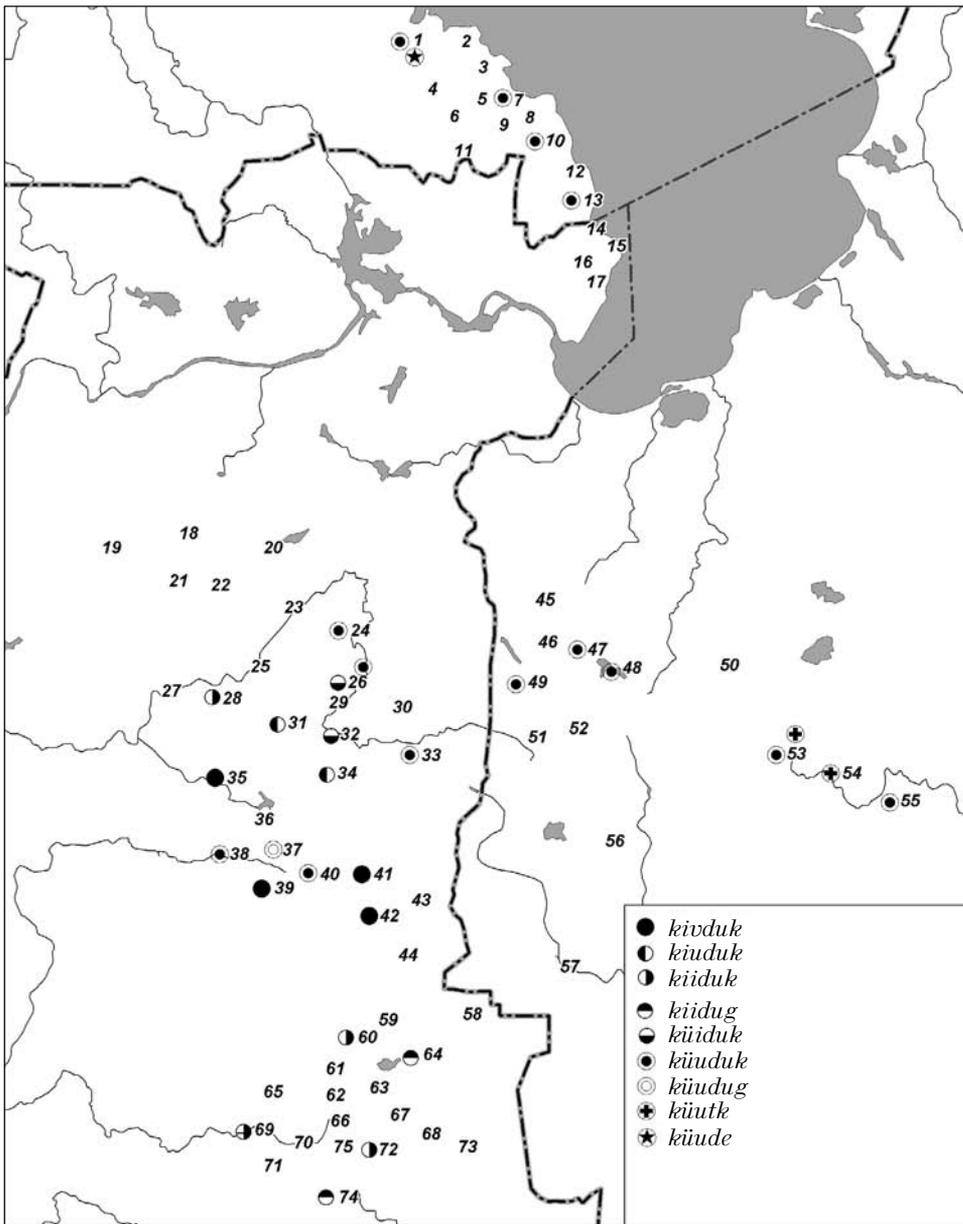
Этнологи считают, что территория вепского расселения — Межозерье — оказалась зоной, разделенной двумя гигиеническими традициями — банной и печной; а более цивилизованная гигиеническая традиция — бани — в жизни и культуре вепсов появилась довольно позд-

но, проникнув «от окружающего южнокарельского и севернорусского населения, имеющего развитую банную культуру», и лишь «в начале XX в. в некоторых поселениях (Прокушево, Боброзеро) отмечены первые единичные случаи строительства бань» (Винокурова 2012 : 58–59). Анализ материала вепских диалектов для ЛАВЯ потребовал иного взгляда на вепскую баню, позволив автору статьи усомниться в том, что банная традиция вепсов такая уж поздняя.

Во всех вепских диалектах, включая южновепский, существуют свои термины как для понятия 'печь в бане', так и 'баня' (*kül'bet*), что свидетельствует о былом наличии таких построек в хозяйстве вепсов. И если именование печи в доме является русским заимствованием (*päč*), то центр вепской бани — ее печь — имеет исконно вепское наименование *kiuduk* (карта 3). Представители южновепского диалекта (Сидорово-Sod) рассказывают: *Edoo nagol' kiidugad oliba. Vuu palatid tegoba, vastoiše sigä. Lavaa pezese* 'Раньше только каменки были. Еще полати делают, веником там парятся. Моются на полу' (ВК).

В северных собственно карельских говорах, а также у тверских карелов функционирует лексема *kiukoa, kiugoa, kivgua* 'печь в бане, в доме' (Пунжина 1994 : 105; KKS 2 : 234), которая ранее, возможно, была более распространенной. В южнокарельских диалектах, в том числе в ливвиковском наречии, печь называется русским заимствованием *päčči* 'печь' или сложным словом *kylypäčči* 'банная печь', что говорит об отсутствии собственного наименования для печи в бане. В работе Л. И. Ивановой (2016), посвященной карельской бане и содержащей названия практически всех ее частей и предметов, у печи в бане свое ливвиковское наименование тоже не отмечено.

Этимологические словари финского языка включают вепс. *kiuduk* ~ *kivduk* в статью *kiuas* (SSA 1 : 376) 'печь в бане или риге, сложенная из камней; печь'. Этимологи предположили, что по структуре *kiuas* — сложное слово с возможным первым компонентом *kivi* 'камень'. Вепские материалы поддерживают эту идею. Как свидетельствует лингвистическая карта, в средневепских западных говорах (En, Nar, Reb, Noid) в первой части вепского варианта отчетливо проявляется *kivi* 'камень': *kivduk*, однако вторая часть вызывает разногласия. В этимологическом словаре финского языка второй частью названа лексема *-kota* (SSA 1 : 376), в современном финском языке 'чум, шалаш'. В этимологическом словаре К. Хяккинен поддержана идея о том, что второй частью *kiuas* могла быть лексема *kasa* 'куча, груда' (Häkkinen 2007 : 445). В вепс. *kivduk*, а также в люд. *kiudug* (LMS 136) второй частью выступает *-duk* ~ *-dug*, что также могло иметь значение 'связка, пучок; куча' (СВЯ 582; LMS 461). В принципе фонетически и семантически идея вполне состоятельна, т. е. *kivduk*: *kivi* 'камень' + *tuk* 'куча', поскольку каменка — это и есть своеобразно организованная в виде очага куча камней в бане. Однако грамматически в вепском языке *tuk* имеет основу на *-u-* (*tuku-n* GenSing), а лексема *kivduk* ~ *kiuduk* ~ *kiudug* — основу на *-a-* (*kivduka-n* ~ *kiuduka-n* ~ *kiuduga-n* GenSing). С этой точки зрения, возможно, для данной лексемы более приемлема праформа **kivikoda(n)*, в которой на почве вепского языка, а также людиковских говоров во второй части сложного слова произошла перестановка *k* ~ *d*, что послужило значительному фонетическому ви-

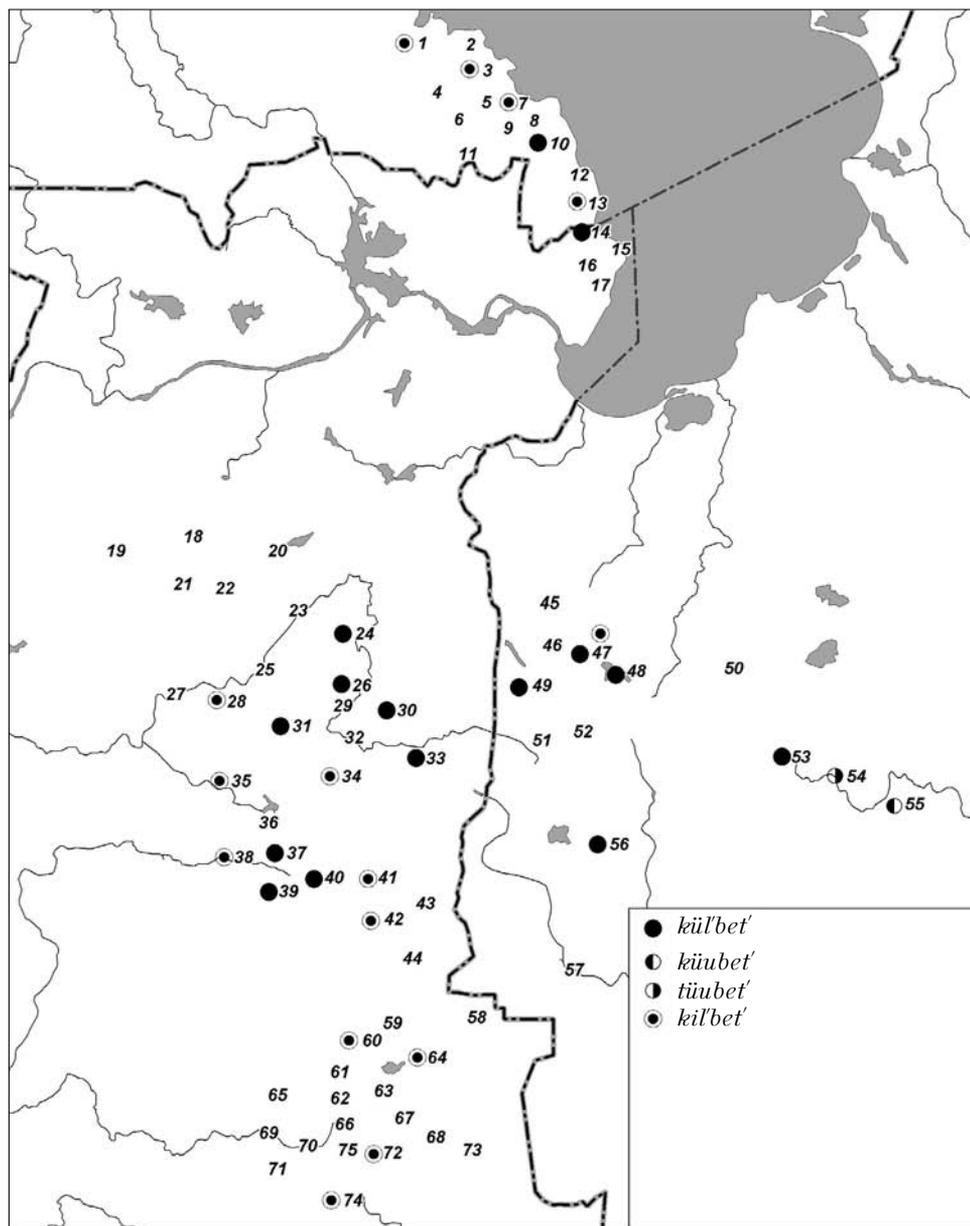

Карта 3. Понятия 'печь в бане, каменка' в языке вепсов.

доизменению лексемы, обозначающей печь в бане. В вепских говорах слово подверглось и дальнейшей деформации, связь между ее частями разрушилась и оно перестало восприниматься как сложное. В ряде говоров звук *-v* вокализровался и появилась форма *kiiduk* (ViI, Šid, Mas, Mai). В восточных говорах, которые характеризуются преобразованием разных групп согласных и гласных, давшим сочетание *-iü-* (*süum* < *sil'm* 'глаз', *siüg* < *sel'g* 'спина'), возник вариант *küuduk*, в ряде говоров он трансформировался дальше: *küuduk* ~ *küutka-n* (GenSing) > *küutk* ~ *küude* (NomSing).

Заключение (несколько слов о вепсской бане)

В связи с идеей о том, что вепс. *küuduk* 'печь в бане' ранее было сложным словом, можно предположить, не является ли и вепское название понятия 'баня' *kül'bet* (карта 4) сложным словом, аналогичным, например, кильдинско-саамскому *keļ-peŗt* (см. SSA 1 : 462) — букв. 'банный дом'? Вепский термин в этом ряду можно возвести к исторически сложному **kül'b(end)-pert* — также букв. 'банный дом', в котором первый элемент восходит к исконной прибалтийско-финской глагольной основе *kylpe-* (вепс. *kyl'ptä*) (SSA 1 : 462) 'мыться в бане, париться'. Отметим, что имен-

Карта 4. Понятие 'баня' в вепском языке.

но прибалтийско-финская лексема *kylpe-* была связана с баней. Вторая часть предполагаемого вепского наименования *-pert'* является праприбалтийско-финским заимствованием из древнерусского языка с основным значением 'баня' (< древнерус. *pŕtŭ* (SSA 2 : 374; см. также Фасмер 1987 : 245)). Лексема стала активно использоваться в прибалтийско-финских языках, особенно в вепском и наречиях карельского, получив в том числе и значение 'дом, строение; комната' и т. д. (СВЯ 409; KKS 4 : 212—213; LMS 307). А вепская лексема *küil'bet'*, таким образом, имеет своеобразную «двойную» связь с баней.

Исключительная популярность слова в языке вепсов, фонетические изменения *küil'bet'*, свойственные диалектным ареалам и отразившиеся в его облике, семантика, повсеместное функционирование свидетельствуют в пользу вхождения лексемы *küil'bet'* в правепский лексический фонд.

В статье рассмотрено освоение понятия 'русская печь' языком вепсов, что отразилось и в заимствовании *päč*, и в наименованиях частей печи, возникших уже в вепском языке (*mät*, *hil'mät*, *lezi*). Лексемы *kiuuduk* 'каменка, печь в бане' и отчасти *küil'bet'* 'баня', древние исконные слова, единые для всех диалектов и говоров вепского языка, различаются лишь фонетически и активно функционируют до сих пор повсеместно, что позволяет усомниться в отсутствии ранее и позднем заимствовании банной традиции вепсами у соседних народов. Полагаем, что лексические данные вепского языка призывают этнографов вновь обратиться к истории печи в бане и самой вепской бане, углубив в свете лексических данных ее возраст, колорит и хозяйственную наполненность.

Address

Nina Zaitseva

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences

E-mail: zng@ro.ru

Сокращения

GenSing — генитив ед. числа; **NomSing** — номинатив ед. числа.

ВепКар — Открытый корпус вепского и карельского языков. dictorpus.krc.karelia.ru; **ВК** — Корпус вепского языка. vepsian.krc.karelia.ru; **ОЛВЯ** — Лингвистический атлас вепского языка. Составители Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен, С. А. Мызников, О. Ю. Жукова, И. В. Бродский. Карты Н. Л. Шибанова. Под общей редакцией Н. Г. Зайцевой, Санкт-Петербург 2019; **СВЯ** — М. И. З а й ц е в а, И. И. М у л л о н е н, Словарь вепского языка, Ленинград 1972; **СРНГ** — Словарь русских народных говоров, вып. 1—46, 1966—2013, Санкт-Петербург; **ALFE** — Atlas Linguarum Fennicarum I—III, Helsinki 2004, 2007, 2010 (SKST 1925; Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskuksen Julkaisuja 159); **KKS** — Karjalan kielen sanakirja 1—6, Helsinki 1968—2005 (LSFU XVI); **LMS** — Lyydiläismurteiden sanakirja. Toimittanut ja julkaissut J. Kujola, Helsinki 1944 (LSFU IX).

Алфавитный указатель сокращенных названий вепских населенных пунктов с номерами на лингвистических картах

74. Ars — Arskahť (Радогощ), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.

58. Bor — Bor (Саньков Бор), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.

66. Vuš — Vušak (Бошаково), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.

61. Čai — Čaigl (Чайгино), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
43. Čid — Čidoi (Чидово), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
20. Čik — Čikl (Чикозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
35. En — Enarv (Вонозеро), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
4. Har — Haršom (Габшема), Прионежский р-н, Республика Карелия.
39. Har — Haragl (Харогеничи), Тихвинский р-н Ленинградская обл.
16. Him — Himdögi (Гимрека), Прионежский р-н, Республика Карелия.
2. Iš — Išaň (Ишанино), Прионежский р-н, Республика Карелия.
38. Jog — Jogens (Усть-Капша), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
26. Jä — Järved (Озера), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
17. Kal' — Kal' (Шелейки), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
21. Kar — Karhil (Каргиничи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
13. Kas — Kaskesoja (Каскесручей), Прионежский р-н, Республика Карелия.
18. Kek — Kekar (Кекозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
57. Ker — Kerčak (Керчаково), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
54. Kj — Kuja (Куя), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
10. Kl — Kaleig (Рыбрека), Прионежский р-н, Республика Карелия.
37. Kor — Korbal (Корбиничи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
44. Korv — Korval (Корвала), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
27. Kos — Koskenpä (Надпорожье) Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
5. Krik — Krik (Крюкова Сельга), Прионежский р-н, Республика Карелия.
67. Krl — Kortlaht (Кортлахта), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
14. Kuk — Kukag' (Володарская), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
23. Kuz — Kuzra (Кузра), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
33. Ladv — Ladv (Ладва), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
59. Lah — Laht (Лакта), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
72. Mai — Maigär (Боброзеро) Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
69. Mas — Maslagj (Маслово) Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
8. Mec — Mecantaga (Залесье), Прионежский р-н, Республика Карелия.
34. Mg — Mäggär (Мягозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
11. Ms — Matvejanselg (Матвеева Сельга), Прионежский р-н, Республика Карелия.
9. Mäg — Mägenä (Горнее Шелтозеро), Прионежский р-н, Республика Карелия.
51. Naž — Nažamgär (Нажмозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
24. Nem — Nemž (Немжа), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
22. Nir — Nirgl (Ниргиничи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
42. Noid — Noidal (Нойдала), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
25. Nor — Norj (Норгина), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
40. Nür — Nürgl (Нюровичи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
36. OZR — Ozroil (Озровичи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
31. Pec — Pecoil (Пелдуши), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
19. Peč — Pečal (Печеницы), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
63. Pel — Peloo (Пелуши), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
15. Per — Pervakat (Урицкая), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
48. Pk — Pütkask (Пелкаса), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
53. Pnd — Pondal (Пондала), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
75. Pož — Požarišš (Пожарище), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
56. Pāž — Pāžar (Пяжозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
41. Reb — Rebagj (Ребов Конец), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
30. Rih — Rihaluine (Подовинники-Азмозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
62. Sar — Sař (Остров), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
68. Sir — Sirj (Перелесок), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
29. Sj — Sarjärv (Сарозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
64. Sod — Sodjärv (Сидорово), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
50. Sär — Särgärv (Сяргозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
1. Š — Šokš (Шокша), Прионежский р-н, Республика Карелия.
46. Šat — Šatjärv (Шатозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
60. Šid — Šidjärv (Прокушево), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
47. Šim — Šimgär (Шимозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
32. Šon — Šondjal (Шондовичи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
7. Št — Šoutarv (Шелтозеро), Прионежский р-н, Республика Карелия.

65. Žar — Žarad (Жары), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 71. Ted — Tedroo (Тедрово), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 45. Tj — Torazgärv (Торосозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
 12. Tž — Tožeg (Другая река), Прионежский р-н, Республика Карелия.
 70. Tut — Tutuk (Сташково), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 52. Vah — Vahtkäř (Вахтозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
 6. Van — Vanhimselg (Вангимова Сельга), Прионежский р-н, Республика Карелия.
 3. Veh — Vehkoja (Вехручей), Прионежский р-н, Республика Карелия.
 73. Vg — Vaagedjärv (Белое озеро), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
 28. Vil — Vilhäļ (Ярославичи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
 55. Vl — Voilaut (Войлахта), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
 49. Vär — Väräsjärv (Кривозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.

ЛИТЕРАТУРА

- Винокурова И. Ю., 2012, Банные обряды жизненного цикла человека в вепском культурном ландшафте. — Труды Карельского научного центра РАН. Гуманитарные исследования, № 4, Петрозаводск, 57—67.
 Даль В. И., 1955, Толковый словарь живого великорусского языка I—IV, Москва.
 Ивановна Л. И., 2016, Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева, Москва.
 Макаров Г. Н., 1990, Словарь карельского языка (ливвиковский диалект), Петрозаводск.
 Пунжина А. В. 1994, Словарь карельского языка (тверские говоры), Петрозаводск.
 Фасмер М., 1987, Этимологический словарь русского языка. Том 3 (Муза—Сят), Москва.
 Хакунинен Л., 1953, Развитие и структура финского языка. Часть I, Москва.
 Hakulinen, L., 1979, Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljäs korjattu ja lisätty painos, Helsinki.
 Kettunen, L., 1945, Tieteen matkamiehenä, Porvoo—Helsinki.
 Tunkelo, E. A., 1946, Vepsän kielen äännehistoria, Helsinki (SKST 228).
 Zaitseva, N., 2012. Virantanaz. Vepsläine epos, Juminkeko.

NIINA ZAITSEVA (Petroskoi)

VEPSA AHJU JA KERISE NIMETUSED

Vepsa päč 'ahi' on vanavene laen (vrd. vene *печь*). Ahjuga on seotud vepsa sõnad *mät* 'leeauk, leease, koldeauk, tuhkhaid' (< *mätto, vrd. *mätaz* 'mätas'), *lezi* ja selle üldistunud vokaaltüvi *lede* 'kolle, leeauk, leease, koldeauk, tuhkhaid' (vrd. soome *liesi* : *lieden* 'pliit, kolle, tulease') ning liitsõna *hil'mät* ~ *hil'mat* 'leeauk, leease, koldeauk, tuhkhaid' (*hil* 'süsi' + *mät*).

Kerist tähistavad *kivduk* ~ *kiuduk* ~ *kiiduk* ~ *kiidug* ~ *kiiduk* ~ *küuduk* ~ *küudug* ~ *küutk* ~ *küude* on kujunenud liitsõnast (*kivi*+*koda*). Liitõnalist päritolu on ka *kül'bet* ~ *küubet* ~ *tüubet* ~ *kil'bet* 'saun' (< *kül'b(end)-pert', vrd. *kyl'ptä* 'kümmelda, supelda', *pert* 'maja').